

Лѣсковъ -- писатель-анекдотистъ.

Годы перелома (1895--1906). Сборникъ критическихъ статей.

Книгоиздательство "Миръ Божій", Спб., 1908

[OCR Бычков М. Н.](#)

Два года тому назадъ умеръ Лѣсковъ, и смерть его прошла почти незамѣченной. Нѣсколько обычныхъ некрологовъ, двѣ-три широкоѣщательныхъ статьи, написанныхъ друзьями покойника, -- вотъ и все, въ чемъ выразилось вниманіе общества къ писателю, въ свое время дѣлавшему большой шумъ. И въ этой холодности общественнаго мнѣнія сказался тотъ общественный судъ, приговоры котораго всегда справедливы, потому что ни подкупить его, ни запугать нельзя. Это былъ приговоръ надъ человекомъ, дарованія котораго были растрчены какъ-то зря, безъ пользы для кого бы то ни было. Еще при жизни Лѣсковъ былъ уже мертвымъ писателемъ, мало привлекавшимъ вниманіе своими послѣдними произведениями, хотя они были ни хуже, ни лучше всего, что онъ писалъ раньше. Тотъ же анекдотическій характеръ содержанія, та же грубоватая манера въ отдѣлкѣ, та же вычурность, дѣланность языка, излюбленныя словечки, кривлянье и ломанье. Что-то мертвое было всегда въ Лѣсковѣ, но раньше около его имени виталъ нѣкій специфическій запахъ, затхлый запахъ клеветническихъ извѣстовъ доносительнаго характера и лицемѣрнаго благочестія. Постепенно онъ выдыхался, и по мѣрѣ того, какъ жизнь шла впередъ, въ Лѣсковѣ сильнѣе сказывались его двѣ основныя черты, какъ писателя -- анекдотъ и вычурность. Было любопытно читать его анекдоты, но они тутъ же и забывались. Теперь одолѣть двѣнадцать томовъ анекдотовъ, заключенныхъ въ тяжелую, неудоваримую форму, это трудъ тяжкій и неблагодарный.

Писатель-анекдотистъ, такимъ выступилъ Лѣсковъ въ литературѣ и такимъ же закончилъ свою писательскую дѣятельность. Все, что проходило передъ нимъ, интересовало его лишь съ точки зрѣнія курьезнаго сюжетца. Уловить болѣе глубокое содержаніе жизни, разобраться среди многочисленныхъ теченій ея, уяснить себѣ ихъ смыслъ -- на это у Лѣскова никогда не хватало ни ума, ни таланта. Его захватывала только внѣшность явленія, суть же его ускользала всецѣло. Періодъ общественной жизни, наиболѣе богатой содержаніемъ, каковы были шестидесятые годы, отразился въ произведеніяхъ Лѣскова въ видѣ ряда курьезныхъ анекдотовъ, тщательно нанизанныхъ имъ и подобранныхъ такъ, чтобы все грязное, весь хвостъ, существующій въ каждомъ движеніи, получилъ въ глазахъ читателя значеніе главнаго содержанія. Если бы представить себѣ такой невозможный случай, что вся богатѣйшая литература того времени исчезла, и сохранился бы одинъ Лѣсковъ съ его "Соборянами", "Некуда", "На ножахъ", "Загадочною личностью" и прочимъ, -- получилась бы прекурьезная для читателя, незнакомаго съ тѣмъ временемъ, картина: собраніе невозможныхъ уродцевъ, не только духовныхъ, но физическихъ уродцевъ, какими нехитрая публика заманивается въ разные музеи рѣдкостей. Какъ образчикъ, приведемъ описаніе наглаго нигилиста Термосесова изъ "Соборянь": "Термосесовъ былъ нѣчто, напоминающее кентавра. При огромномъ мужскомъ ростѣ у него было сложеніе здоровое, но чисто женское: въ плечахъ онъ узокъ, въ тазу непомѣрно широкъ; ляшки какъ лошадиныя окорока, колѣни мясистыя и круглыя; руки сухія и жилистыя; шея длинная, но не съ кадыкомъ, какъ у большинства рослыхъ людей, а лошадиная -- съ зарѣзомъ; голова съ гривой вразметъ на всѣ стороны; лицомъ смугль, съ длиннымъ, будто армянскимъ носомъ, и съ непомѣрною верхнею губой, которая тяжело садилась на нижнюю; глаза у Термосесова коричневаго цвѣта; съ рѣзкими черными пятнами въ зрачкѣ; взглядъ его присталень и смышлень". Соотвѣтственно этому изображаются и духовныя качества. Персонажи Лѣскова всѣ уголовные преступники, которые воруютъ, насильничаютъ, жгутъ, убиваютъ, лгутъ, поддѣлываютъ подписи и пишутъ фальшивые векселя.

Читая теперь эти увѣсистыя произведенія, диву даешься, гдѣ авторъ бралъ для нихъ матеріалъ, и какъ-то стыдно дѣлается за литературу, въ которой подобная нелѣпица выдавалась за настоящую жизнь. Но, познакомившись со всѣми произведеніями Лѣскова, видишь, что Лѣсковъ, собственно говоря, ничего не сочиняетъ. Онъ всегда вѣренъ себѣ и описываетъ то, что видитъ, но видитъ онъ по своему. У него особый недостатокъ зрѣнія, благодаря которому ему все предоставляется шиворотъ на выворотъ. Такъ, въ послѣдній періодъ своей писательской дѣятельности, Лѣсковъ увлекся толстовскимъ ученіемъ и началъ подражать Л. Н. Толстому, сочиняя разныя сказанія на моральныя темы. Содержаніе своихъ